

”ЦАРСТВО МОИХ ИДЕЙ ВПЕРЕДИ...”

(Из записей 1931 года)

В.И. Вернадский

Нижеследующие записи Владимира Ивановича Вернадского, охватывающие период с января по ноябрь 1931 г., были сделаны в Ленинграде и Старом Петергофе. Хранятся они в двух делах академического Архива на отдельных или скрепленных листах формата записной книжки и ученической тетради (Архив АН СССР. Ф. 518. Оп. 1. Д. 162. Л. 113, 116 — 126; Оп. 2. Д. 48. Л. 43, 90). Сведенные вместе, эти записи приобретают черты дневника, затрагивающего разнообразные философские, естественнонаучные, социально-политические, автобиографические и другие проблемы.

В творческой жизни Владимира Ивановича 1931 год оказался исключительно насыщенным. Поражает разнообразие интересов; удивительны не только размах и глубина замыслов, но и то, как много из задуманного удается реализовать. И это на пороге 70-летия — возраста для многих, если не большинства, людей науки критического, когда творческая активность начинает идти на убыль... Проблемы геохимии и биогеохимии, газового и водного режима Земли, радиологии и радиогеологии, метеоритики... — размышления над ними оформляются в виде статей, докладов, очерков, заметок, набросков, конспектов, оседают в рабочих тетрадях и записных книжках.

Особо следует сказать о занимавшей Вернадского всю его сознательную жизнь проблеме времени. И здесь 1931 год занимает особое место. Ученый посвящает этой проблеме сразу три работы: «Время», «О жизненном (биологическом) времени» и подводит 26 декабря на Общем собрании АН СССР итог своим размышлениям в докладе «Проблема времени в современной науке» (см.: Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 222 — 255, 297 — 381).

Таков, в общем и целом, «внутренний контекст», и он, естественно, находит частичное отражение в нижеследующих записях. Последние, однако, его и обогащают, поскольку в какой-то мере дают возможность судить о созревании замыслов ученого, с одной стороны, его размышлениях интимного характера — с другой. Понятно, ни то, ни другое в научных трудах не отражалось и отражаться не могло.

В записях, пересекаясь с «внутренним контекстом» и, как правило, через и посредством него проявляясь, присутствует также и «контекст внешний». На нем следует остановиться особо. Напомню сначала некоторые факты.

В стране завершена «коллективизация», идет первая пятилетка, началась индустриализация. Завершено «Шахтинское» дело, прошел процесс «Промпартии», а репрессии все более расширяются. В партии и государстве в основном закончено формирование той политической системы, которую мы сейчас называем административно-командной. В жизни страны и судьбах людей героическое и трагическое сплелись в один клубок.

Понятно, происшедшие и происходящие социальные сдвиги непосредственно отразились на положении науки и ученых. Идет процесс «советизации» Академии наук, она все более лишается самостоятельности и традиционной своей автономии. Усиливается давление «идеологического» прессы, свирепствует цензура, ограничивается свобода научного поиска. В ученой среде, особенно у представителей «старой» научной интеллигенции, растет недовольство, появляются «невозвращенцы» (среди них и ученые мирового класса) — идет «утечка мозгов»... Репрессии захватывают и ученые круги, целенаправленный поиск «вредителей» распространяется на людей науки.

В начале 1931 г. журнал «Большевик» — главный теоретический и политический орган ЦК ВКП(б) — публикует программную статью с характерным угрожающе-предупреждающим названием «Вредительство в науке». Это боевой клич, призыв к погрому научных кадров, а среди последних — наиболее крупных и талантливых представителей ученых старшего поколения.

В статье, в частности, говорилось: «Подмена большевистской политики в науке, подмена борьбы за партийность науки либерализмом тем более преступна, что носителями реакционных теорий являются маститые профессора, как махист Френкель в физике, виталисты Гурвич и Берг в биологии; что Савич в психологии, Кольцов в евгенике, Вернадский в геологии, Егоров и Богомолов в математике «выводят» каждый из своей науки реакционнейшие социальные теории». Особенно досталось от «Большевика» крупнейшему русскому математику Д. Ф. Егорову — «признанному вождю реакционной московской математической школы, еще в прошлом году директору математического института, состоявшему церковным старостой, но не желавшему быть членом профсоюза». Егоров и подобные ему представители «реакционнейшей профессорской среды... вполне последовательно на недавнем своем

[математическом] съезде отказывались послать приветствие XVI партийному съезду» (Кольман Э. // Большевик. 1931. № 2. С. 74—75). Напомню: среди членов редколлегии журнала мы находим таких видных представителей ленинской гвардии, как Н. Бухарин, В. Молотов, А. Стецкий, Е. Ярославский и др.

Поски «вредителей в науке» отразились на Вернадском самым непосредственным образом. Еще в 1922 г. в только что созданном официозном журнале «Под знаменем марксизма» по команде сверху началась идеологическая травля «воинствующими материалистами» Вернадского (и других отечественных ученых — Л. С. Берга, В. М. Бехтерева, А. Е. Ферсмана, П. А. Флоренского и др.), обвинявшегося в идеализме, витализме, фидеизме и проч. Огонь «критики» был сосредоточен на вышедшей в том году отдельным изданием работе «Начало и вечность жизни», где, в частности, впервые в истории естествознания с такой научной и философской глубиной обосновывался принцип геологической вечности жизни, играющий столь важную методологическую и эвристическую роль в современной геологии. «Критика» продолжалась и в следующем, 1923 г. Затем, со второй половины 20-х, наступила очередь «Биосферы», а потом пришел черед и «Живого вещества». Набор уже подготовленного к печати сборника был рассыпан, и лишь через 10 лет, в 1940 г., «Живое вещество» под другим названием — «Биогеохимические очерки» — увидело наконец свет... Но Вернадскому все же пришлось пойти на вынужденные уступки — из сборника была полностью исключена работа «Начало и вечность жизни», с купюрами вышла «Автотрофность человечества»...

Дело зачастую доходило до нелепостей. Так, по «идеологическим» мотивам, например, был резко сокращен тираж «Истории природных вод», моментально разошедшийся, как только книга появилась в продаже. Читательский спрос на нее остался неудовлетворенным, а ее переиздания Вернадский так и не дождался.

С начала 30-х годов у Владимира Ивановича возникла настоятельная потребность выезда с научными целями за рубеж. Он подает официальное заявление в Академию и получает отказ. Тогда Вернадский обращается с просьбой о помощи в скорейшем разрешении этого вопроса к ряду влиятельных лиц, среди которых были А. В. Луначарский, А. М. Горький, М. Н. Покровский, В. М. Молотов... Увы, безрезультатно. Он доходит до самого «верха», но итог все тот же. «Все попытки мои, — вспоминал 10 лет спустя Вернадский, — получить командировку за границу для научной работы в 1930 — 1931 гг. были тщетны. В 1930 — 1931 гг. дважды писал Сталину, но ответа не получил» (Архив АН СССР. Ф. 518. Оп. 2. Д. 48. Л. 3).

Вместо испрашиваемой заграничной командировки Вернадскому было предложено поселиться в Доме отдыха Центральной комиссии по улучшению быта ученых в Старом Петергофе... Однако он в конце концов добивается своего. Решающую роль, по-видимому, сыграли обращения Вернадского в начале 1932 г. во ВЦИК, а затем к Молотову. За границей Вернадский пробыл с мая по ноябрь 1932 г., плодотворно потрудившись в Германии, Франции, Чехословакии (см.: Вернадский В. И. Геохимия, биогеохимия и радиология на новом этапе. Извлечения из отчета о заграничной командировке 1932 г. // Вестник АН СССР. 1933. № 11).

По возвращении на родину Владимира Ивановича ожидал «идейный» сюрприз — разносная статья только что избранного академиком философа А. М. Деборина в связи с докладом Вернадского на Общем собрании Академии по проблеме времени. Чего-либо нового в этой статье не было, крутилась все та же старая пластинка, все те же навешивались ярлыки: «идеалист», «фидеист» и проч. Однако, продолжая провозглашенную «Большевиком» линию, Деборин шел дальше и делал уже политические выводы, которые могли быть чреватые для Вернадского самыми тяжелыми последствиями. Автор писал, в частности, что «все мировоззрение В. И. Вернадского, естественно, глубоко враждебно материализму и нашей современной жизни, нашему социалистическому строительству» (Деборин А. М. Проблема времени в освещении акад. В. И. Вернадского // Известия АН СССР. Отд. матем. и естеств. наук. Сер. геол. 1932. № 4. С. 568). Как ни досадно было трать на это время и силы, пришлось ввязываться в полемику (см.: Вернадский В. И. По поводу критических замечаний акад. А. М. Деборина // Там же. 1933. № 3).

Таков был тот «внешний контекст», который также нашел отражение в записях 1931 г.

© И. И. Мочалов,
доктор философских наук
Москва

25 января [Ленинград]

Луначарский:

Сталин выражал ему некот[орое] неудов[ольствие], что [тот] направил меня к нему: хотя научно я сила — но непарт[ийный] ученый должен обращаться к Калинину, а не к нему. Встретились два мне-

ния — широкомысл[ящего] главы партии и лица, рассм[атривающего] вопрос с «острополит[ической] т[очки] зр[ения]. И глава прислуш[ался] [к мнению] второго¹.

По отношению ко мне:

Учитыв[ают] большой мой авторитет, прямой характер и горяч[ее] отнош[ение] [к делу]. Никакого сомнения нет в мотив[ах]

поступков — в этом отн[ошении] большое уважение; но считают, что я могу выступить с как[им-] ниб[удь] заявл[ением]: сейчас в Евр[опе] травля — заявл[ения] и т. п.

Все расценивают и т. д. И мой авторитет в учен[ом] мире — большой козырь в руках врагов Советск[ого] строя².

¹ Сказанное, естественно, оставляет чувство недоумения: ведь «глава партии» — это, очевидно, Сталин, и он-то как раз, в отличие от Луначарского, как будто рассматривал вопрос о заграничной командировке Вернадского с «острополитической точки зрения». По-моему, это объясняется тем, что Вернадский в записи опустил некоторые детали разговора Сталина с Луначарским (в передаче последнего).

² Здесь уместно привести позднейший комментарий самого Вернадского к этой чрезмерно лаконичной записи, несколько поясняющий как саму ее, так и последовавшую вскоре четырехмесячную «почетную ссылку» в Старый Петергоф. 27 мая 1941 г., работая в Узком над «Хронологией» своей жизни, Вернадский записывает:

«Второй раз писал Сталину о загранич[ичной] командировке, по совету Луначарского. Я упомянул о том, что пишу ему по совету Луначарского. Луначарский говорил мне, что он получил выговор Сталина — как же я могу вмешиваться в эти дела, беспартийный. **Мне кажется, с 1930 г.** в партийной среде впервые осознали силу **Сталина — он становится диктатором.** Разговор со Сталиным произвел тогда на Луначарского большое впечатление, которое он не скрывал.

(...) В апреле 1931 г. А. В. Луначарский сообщил мне устно решение правительства о моей заграничной командировке. Он сказал, что правительство рассмотрело внимательно все дело и не нашло возможным разрешить мне эту командировку в этом году, но что в том же особом порядке в апреле 1932 г. этот вопрос будет пересмотрен и, если не будет каких-либо особых обстоятельств, благополучно разрешен. В то же время, принимая во внимание недостаточную научную обстановку, в какой я работаю, правительство ассигновало мне обычным порядком — Биогеохимической лаборатории, директором которой я состою, — 3000 руб. валютой и 30 000 руб. червонцами. В то же самое время я должен был быть поставлен в возможно наилучшие условия на 4 месяца для работы здесь, вместо поездки за границу.

Я не мог выяснить и понять причину такой отсрочки командировки. Я понял только, что это связано с совершенно неизвестной и непонятной мне обстановкой, бывшей тогда, главн[ым] обр[азом], во Франции.

Я просил устно и письменно А. В. Луначарского довести до сведения правительства, что, подчиняясь этому решению, я очень огорчен этой отсрочкой и что уверен, что не смогу здесь получить нужных условий для работы, и что я надеюсь, что срок отсрочки может быть сокращен, просил вместе с тем возможности личного выяснения недоразумения и указывал на тягостность отсрочки в моем возрасте (70 лет). (...)

Мы [с женой] действительно были очень хорошо устроены в санатории в Старом Петергофе, причем помещены на 4 месяца в хорошей комнате, в хороших условиях. (Кажется, мы ничего не платили.) Заведующая санаторием сперва не хотела верить о 4 [х] месяцах, но, наведя справку, оставила нас в покое. Я мог довольно удобно выписывать книги, но, к сожалению, получал их страшно неаккуратно и мог получить не больше 20 % той литературы, которая мне была нужна, и с большим запозданием. Как я писал [17 февраля 1932 г.] в записке [В. М. Молотову], «...фактически я работу вести здесь не смог — прервав ее в главной части, хотя был поставлен в прекрасные условия жизни в санатории в Петергофе. Библиотеки и бытовые условия пользования книгами сделали работу в нужном размахе и направлении невозможной. В то же время из 3000 руб. золотом я получил для сих предметов только на 800 (и то не насущнейшие), и из 30 000 руб. я, несмотря на все старания, не мог приобрести нужной платины, серебра, золота. Так что и здесь помощь оказалась недостаточной» (Архив АН СССР. Ф. 518. Оп. 2. Д. 48. Л. 25—26).

14 марта

Невольно ставятся вопросы философские.

Всюду предрассудок, что философия идет глубже науки в понимании окружающего. М[ожет] б[ыть], это основывается на том, что философия опирается на научные достижения и прибавляет к ним рационализацию — строгий логический анализ, исходящий из положений, часто добытых не научным путем, а частью научным, но философи-

ей выхватываемых из той «среды» (resp. эмпирического окружения), в которой они только и верны.

Научные достижения могут достигнуть всеобщезначительности и быть едиными для всех. Могут ли философские? Думаю — нет.

*

Удивительным образом меня считают идеалистом и виталистом (resp. неовиталистом). Пытаясь разговаривать об этом с коммунистами — вижу шоры или невежество.

Существование философского скептицизма для них абсолютно непонятно. Для них философия дает истину в одном из проявлений материализма (диалек[ического] мат[ериализме]), и в этом они не сомневаются так же, как мы не сомневаемся в научном эмпирич[еском] обобщении.

Философ[ский] скептицизм: 1) отрицание возможности достигнуть истины, т. е. единого понимания окружающего и нас самих, для всех непреложного и обязательного; 2) признание примата — в этом отношении — научного знания; 3) признание, что научное знание не может дать всей истины и что область, охваченная философией, шире и вносит новое и чрезвычайно важное по сравнению с научным знанием; 4) признание резкого выражения индивидуальностей (их ограниченное число типов?) в философии и что философия по существу многолика и не может быть сведена к единой общеобязательной форме.

Последние месяцы со всех сторон я вижу начало нападений на мои взгляды.

Недопущение печатания моей «Биосферы» (немецкой) и моего «Жив[ого] вещ[ества]». Каган говорил, что он пропустил, не ознакомившись с моими взглядами¹. По-видимому, [сыграл роль] Левин². Ромм³ говорил мне, что если бы дискуссия [вокруг] Деборина⁴ не привела к его крушению месяца два раньше предполага[вшегося] выпуска «Ж[ивого] в[ещества]» (весной) — книга бы вышла.

Думаю, имело значение мое выступление в связи с обсужд[ением] структуры А[кадемии] н[аук]⁵.

Каган не понимает, что можно научно работать, ставя на второй план философ[скую] сторону проблемы. Впечатление человека, мысль которого застыла.

Здесь — на заседаниях, о которых мне рассказывали. В Акад[емии] в докладе о филос[офии] (д[иалектическом] м[атериализме]) и ест[ествознании] указывалось, что в моей биограф[ии] в «Больш[ой] Сов[етской] Энциклопедии» (писал Ферсман) не дано обо мне понятия, т[ак] к[ак] надо было указать (предупредить?), что я, будучи большим ученым etc., о чем не спорят, являюсь **идеалистом** филос[офским]⁶ ([рассказывал Сергей⁷]). В Военно-медицинской Акад[емии], при «критике» Заварзина⁸, выпадка на меня: оратор (по словам J⁹, полубразованный «философ») обратился к собранию (присутствовали «студенты» и т. п. — по наряду): — «Слышали ли вы о "Биосфере"»? — «Знаем!» — «Так вот, академик Вернадский («виталист») считает, что она существовала неизменной миллиард лет. Ха-ха-ха!» — «Ха-ха-ха!» В Ботаническом общ[естве] Сукачева¹⁰ обвиняли в том, что он виталист, мой последователь, обвиняли в «вернадскизме»?¹¹

Волгин¹² особенно со страхом пропускает мои статьи, — м[ожет] б[ыть], правильно учитывает, что они вызовут то, что сейчас называется критикой.

Страх этой «критики» приостановил сейчас печатание соц[иально-] полит[ических] работ и в Коммунистической акад[емии] (Лукин¹³), и в Отделении гуманитарных наук у нас (бояться), и в Государственном издательстве.

¹ Каган Вениамин Федорович (1869—1953), математик, историк науки, автор известных «Оснований геометрии», в конце 20-х годов оказался причастным к изданию «Живого вещества» Вернадского. В «Дневнике» 1940 г. Вернадский по этому поводу писал: «Книгу «Живое вещество» начал я готовить [к изданию] в 1928 или 1929 г. В одном из этих годов я встретился в санатории Нов[ого] Петергофа, кажется, с начальн[иком] крупного научного издательства проф. Каганом, известным математиком, книгу которого об основах геометрии я знал» (Архив АН СССР. Ф. 518. Оп. 2. Д. 20. Л. 17. Запись от 17 июня 1940 г.).

² О ком именно идет речь, установить, к сожалению, не удалось.

³ Ромм — заведующий Ленинградским отделением Издательства АН СССР. Жертва сталинского террора. «Ромм был арестован, сослан в Ухтинский Лагерь — работал над радиоактивностью минеральных вод, из которых добывают радий» (Вернадский В. И. Дневник 1939 года // Архив АН СССР. Ф. 518. Оп. 2. Д. 20. Л. 8).

⁴ Подробнее о философской атмосфере того времени в нашей стране и об отношении Вернадского к Деборину как ученому и философу см.: Вернадский В. И. Записка о выборе члена Академии по отделу философских наук. 20.XI.1928 г.; Мочалов И. И. Творчество В. И. Вернадского и философия // Философские науки. 1988. № 4 (перепечатано: Коммунист. 1988. № 18).

⁵ В 1929 г. Вернадский принял деятельное участие в реорганизации Академии наук, о чем свидетельствуют его многочисленные записки и выступления на заседаниях различных комиссий (Организационной комиссии, Комиссии по выработке проекта нового устава Академии и др.). При этом далеко не всегда его позиции совпадали с официально проводимой линией.

⁶ Действительно, в 1-м издании БСЭ в очерке, посвященном Вернадскому, вопрос об «идеализме» своего учителя академик А. Е. Ферсман умело обходит. Лаконично (и точно) он пишет:

«Вернадский] широко интересуется также историческими, философскими и общественными науками» (БСЭ. Т. 10. М., 1928. Стб. 303).

Несколько лет спустя «ошибку» Ферсмана достаточно решительно «исправляет» Малая советская энциклопедия (Т. 2. М., 1934. Стб. 376). В посвященной Вернадскому заметке без подписи говорилось: «По своему мировоззрению — сторонник идеалистической философии; в научных работах проводит идеи «нейтрализма» науки, выступает в защиту религии, мистики, «исконности жизни и живой материи» и ряда виталистич. и антиматериалистич. концепций, отрицающая материалистическую диалектику». В дальнейшем формулировки несколько смягчаются, становятся более осторожными. В 1951 г. ученики Вернадского А. П. Виноградов и К. А. Власов пишут: «Будучи в области естественнонаучных исследований стихийным материалистом, вскрывая объективные диалектические закономерности природных явлений, Вернадский в то же время высказывал иногда идеалистические взгляды» (БСЭ. 2-е изд. Т. 7. М., 1951. С. 502).

⁷ Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934), востоковед, с 1904 по 1929 г. непреременный секретарь Академии наук, друг Вернадского.

⁸ Заварзин Алексей Алексеевич (1886—1945), гистолог, академик, в 1922—1936 гг. профессор кафедры гистологии и эмбриологии Военно-медицинской академии.

⁹ Так в тексте: кого обозначает «J», пока неясно.

¹⁰ Сукачев Владимир Николаевич (1880—1967), ботаник, лесовед и географ, академик, в 1946—1963 гг. — президент Всесоюзного ботанического общества.

¹¹ Знак вопроса относится здесь не к предложению в целом, а к термину «вернадскизм», который, обозначая некий «новый» философский ярлык, сам по себе для Вернадского был неожидан и непривычен и, вероятно, в немалой степени его озадачил.

¹² Волгин Вячеслав Петрович (1879—1962), историк и общественный деятель, в 1930—1935 гг. — непреременный секретарь Академии наук.

¹³ Лукин Николай Михайлович (1885—1940), историк, академик. Жертва сталинского террора.

31 мая. Стар. Петергоф. Дом отдыха ЦКБУ. Садовая ул.

Зимний дом, комн. № 5.

Принцип предельной скорости. Если его развить, то возможно допустить существование явлений, скорость которых больше скорости света.

Принцип предельной скорости указывает, что в данной среде скорость какого-нибудь явления не может превышать некоторого предела, при котором явление разрушает среду.

В таком случае в материальной среде **звук** дает нам предельную скорость, различную в разной среде. Если принять явление, распространяющееся как **свет** в среде нематериальной — то, что называли и называют эфиром — и считать его проявлением лучистой **энергии**, то скорость света даст максимальную скорость — большая скорость будет разрушать эфирную среду и не может наблюдаться как природное явление.

Если допустить, что есть ряд явлений, которые происходят не в материальной и не в эфирной среде, — для них может существовать скорость большая, чем скорость света. Такова передача мыслей?

2 июня, утро

Все время мысль очень хорошо и глубоко работает — частью сама, частью в связи с чтением. (...)

Для Времени и Пространства натуралист может идти своим путем — изучать их, как всю окружающую природу. Его изучение будет иное, чем изучение физика, который строит математические построения, модели.

Первый вопрос, который сейчас ставится, это вопрос о том, имеет ли **Время и Пространство**, в котором совершаются события — явления Природы, вне нашего внутреннего процесса, вне нашего **я,—строение**?

В тех обобщениях, в которых философы или философствующие физики принимают «абсолютное» Время и Пространство, они устанавливают скрытым образом предположение, которое, мне кажется, не отвечает реальности. Они считают Время и Пространство изотропным, аморфным. Для явления жизни пространство не изотропно — а для Времени это ясно во всех необратимых процессах.

Изучение их **строения** является сейчас основным. К полученным при этом результатам должны будут подвести свою мысль и философы, и теологи.

В связи с этим для меня ясна и причина такого недоразумения. Упущение углубления понятия **симметрии** в философии. Введение работы над ним в философию должно не только оживить, но углубить и резко изменить философскую мысль.

«Длительность» — «durée» Бергсона¹ — должна стоять в теснейшей связи с биологическим временем. Реально биологическое время определяется реальным основным явлением жизни — сменой поколений, размножением. В основе этой смены — свойства атомов. Характер их движений.

Гюйо² — прямой предшественник Бергсона. Вспоминается мне сейчас Горная Щель в Крыму у Ялты, где в даче (сейчас разрушенной) помещалась ЧК при занятии Ялты, и Моисеев, директор Музея, у меня там бывавший, не мог ничего спасти; кажется, и склеп П. А. Бакунина³ разрушен — там я с большим интересом читал работу об Эпикуре.

Удивительно, как неглубоко даже широко образованные люди вдумываются в проблему Бога. Напр[имер], Сергей [Ольденбург] рассматривает Бога со всеми грубыми признаками, какие прилагает ему суеверие. Он говорит на мои возражения, что иной Бог — есть Бог философов! Люди поддаются течению и выбирают безопасные ручьи. Выставка академическая (!), во многом невежественная и грубая, служит прекрасной иллюстрацией⁴.

В молодости, когда я был смелее — или, вернее, больше интересовался философскими построениями — я допускал бессмертие личности, но не видел места единому Богу. Мне казалось — это кажется и теперь — что человек, искренне верующий

и глубоко чувствующий бытие, будет ли это глубина Природы или человеческой души, может быть всякой религии и принимать всю пользу научного знания. Древний верующий Грек может принимать всю современную науку⁵.

Но **единство** Природы — едва ли отражение нашей индивидуальности? — требует единого Начала. И в этом смысле тот Бог, которого мы видим у таких ученых и философов, как Александр, Уайтхед, Льюис⁶, вполне отвечает научному знанию.

Научное знание, охватывающее часть человечески доступного, придает ему форму Порядка Природы.

Сейчас же создается утонченный фетишизм, т[ак] к[ак] борьба против Бога принимает форму замены одного суеверия другим.

В своих исследованиях наука прежде всего должна идти эмпирически: вести опыт, поставив проверку эмпирического обобщения в первую очередь, гипотезы — во вторую. Она должна пользоваться результатами философской мысли при анализе понятий — аналогично математ[ической] символической. Художественные, философские, религиозные, космогонические представления должны играть второстепенную роль.

Математ[ическая] физика играет ту же роль, как философия, отходя от точного соприкосновения с действительностью?

¹ Бергсон Анри (1859—1941), французский философ и социолог, лауреат Нобелевской премии.

² Гюйо Жан Мари (1854—1888), французский философ.

³ Бакунин Павел Александрович (1820—1900), земский деятель, брат Михаила Бакунина. В конце XIX в. с П. А. Бакуниным (как и с другим братом — А. А. Бакуниным) Вернадского связывали дружеские отношения и общие интересы на почве общественной деятельности.

⁴ Очевидно, имеется в виду организованная в Ленинграде в Академии наук тематическая выставка по проблемам религии и атеизма.

⁵ Подробнее об отношении Вернадского к религии и проблеме бессмертия личности см.: М о ч а л о в И. И. Л. Н. Толстой и В. И. Вернадский // Русская литература. 1979. № 3; Он же. В. И. Вернадский и религия // Вопр. истории естествозн. и техники. 1988. № 2.

⁶ Александр Сэмюэл (1859—1938), английский философ; Уайтхед Алфред Норт (1861—1947), английский философ, логик и математик; Льюис Кларенс Ирвинг (1883—1964), американский философ и логик.

9 июня, утро

(...) «Биологич[еское] время» со своей меркой (minim[um] — смена поколений (...)) есть реальный основной эмпирический факт естествознания. Необходимо принимать его без всяких ограничений, вносимых абстракциями физика ли, психолога или метафизика.

Время выражается существованием жизни — генетического единства живого биосферы.

Это, мне кажется, глубоко сознавал Плотин (...). Странно, что современные философы не пошли по этому пути.

Время-Пространство составляет в формуле «Время — Пространство — Жизнь» все

содержание современной науки в ее наиболее отвлеченном (это не значит полным и верном — наоборот, явно неполном и неверном) выражении. Материя и энергия не отделены от времени-пространства, которые имеют свое строение.

Стоя на эмпирической почве, необходимо глубже проанализировать явление смены поколений. Что можно получить сейчас из этого явления для понимания времени?

Смена поколений, у всех организмов. Временами среди данной чреды поколений — морфологическое резкое изменение («мутация»), связанное с изменением средней [продолжительности] жизни поколения. Всегда [ли это] новое число? Следствие ли морфологического изменения или же основной факт хода биологичес[еского] времени? Всегда ли увеличивается или же есть уменьшение? Для человека увеличивается. Как для растений?

Продолжительность жизни индивида должна отличаться от длительности смены поколений. Напр[имер], деревья [—] какой-нибудь дуб. Поколение определяется временем от первого прорастания семян до первого плодоношения. Индивид может исполнять эти функции неопределенное время?

Развить и разработать вопрос о биологической единице времени и биологическом времени.

Кругового процесса явно нет.

Когда смена поколений развертывается, создается живой мир. И время, и пространство этим проявляются. Как время заполняется жизнью нацело, так к этому организм стремится и для пространства.

Тут есть более глубокое явление: для пространства основное положение энергетики — достижение устойчивости; задерживается это проявление внешними препятствиями. А для времени то же самое? Энергия «управляет», т. е. определяет пространство-время.

Можно видеть в этой смене поколений не создание, а раскрытие? Весь органический мир уже в своем содержании заключал то, что развертывается в смене поколений. В этом, м[ожет] б[ыть], самое глубокое свойство организма и в единице — индивидууме, и в целом. Живая природа — единый организм; смена поколений — его функция.

Развить.

Сегодня с утра — встал в 6 — взялся за писание. Все эти дни думал и углублялся, и читал, и разговаривал, и просто думал. Больших вопросов касался в разгово-

рах с Дм. Ив.¹, Глебовым, Чистовичем². 1-го января 1929 (в связи с нашим 30.XII³) Дм. Ив. писал (получил только теперь здесь): «Ты умеешь сочетать свой скептицизм с горячей верой в вечное, и вера эта растет в стройное и большое целое. Скепсис сам себя подрывает, и вера обещает залить всю душу».

Тут нет противоречия. Удивительно, как трудно передать ясно другим свою мысль. Я встречаюсь с этим постоянно, и только отчасти это связано с тем, что я не могу передать свою мысль целиком словами. Непрерывно вспоминаю чудный образ Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь».

Я философский скептик, т. е. я считаю, что философия по существу не может нас привести к истине, равной по силе и общезначимости той, которая — в своей области — достигается наукой. Философия в целом, во всем многообразии живых ее систем и исканий, м[ожет] б[ыть], охватывает поле духовной жизни, равноценное с наукой. Наука — область которой ограничена — достигает общезначимых истин. В основе науки — научные факты и эмпирические обобщения, философы же ухватывают и их интересуют преходящие научные теории.

Это различие вытекает из того, что философия берет из окружающего нас любое явление, любой предмет, его абстрагируя, рационализируя — т. е. его ограничивая. Наука идет тоже этим путем, но не отходит во всем дальнейшем ее движении от «земли», от предмета или явления. В логических следствиях из философского построения предмета или явления и из научного факта того же предмета или явления — мы приходим нередко к противоречиям.

Прочен только научный факт.

Упадок научной мысли и научного творчества связан всегда был с переоценкой достижений философии или религии. Эта переоценка — для философии — и сейчас угрожает нашей стране. Даже такие люди, как Митя [Шаховской], думают, что она [философия] стоит по своему значению выше науки и является одним из высочайших достижений человечества. А кругом в диалектическом материализме, в ленинизме мы видим ту же утопию, но проводимую огнем и мечом, инквизиционным путем.

Всегда — в эпоху первых веков христианства, в Индии в эпоху буддизма, в расцвете мусульманской теологии — мы наблюдаем то же самое: отход от научной работы лучших умов. Этим достигалось вымирание научного творчества. Вероятно, то же наблюда-

далось и в Китае (конфуцианство — по сути, очень схожее с коммунизмом и ленинизмом), вероятно, в Египте.

Может ли иметь успех попытка коммунизма и ленинизма привести к замиранию научной работы в нашей стране? Мне кажется, мировое положение научной работы сейчас едва ли это допустит.

¹ Шаховской Дмитрий Иванович (1861—1939), общественный и политический деятель, внук декабриста князя Ф. П. Шаховского, исследователь творчества П. Я. Чаадаева, друг Вернадского. Жертва сталинского террора.

² Возможно, имеется в виду ленинградский патологоанатом Ф. Я. Чистович (1870—1942). Относительно Глебова каких-либо данных найти не удалось.

³ День Братства, образовавшегося в 80-е годы прошлого века в Петербургском университете. В Братство входили крупные ученые и общественные деятели — В. И. Вернадский, С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбурги, А. Н. Краснов, Д. И. Шаховской, И. М. Гревс, Н. Г. Ушинский, А. А. Корнилов и др. Подробнее об этом см.: Аксенов Г. П. Сила братства // Природа. 1988. № 2. С. 82—93.

10 июня

Основное различие между основами научной работы и построениями философии заключается в том, что построения последней находятся на базисе, неизбежно отличающемся от реальности.

Два явления:

1. Философия исходит из понятий, слов, которые, конечно, не могут охватить все явление до конца: «Мысль изреченная есть ложь». Наука тоже основывается на понятиях и словах — но она никогда не считает, что эти понятия-слова выражают всю реальность. Она всегда обращается к явлению и его проверяет. Мы видим, как изменяются в ходе роста научного знания те же самые понятия (напр[имер], атома, понятие распределения суши и океана или период[ическая] система элементов).

2. Философия поэтому всегда берет научное понимание явления — понятие-слово — данного момента и развивает его во всех последствиях, логически его отчеканивая до конца. Если в ходе научного знания понятие-слово меняет свое содержание — построения философии в значительной мере рушатся, — но глубокая работа мыслящей личности не пропадает, т[ак] к[ак] логическая отчеканка не есть машинный процесс, а разные люди идут более или менее глубоко, а ныне идут так глубоко, как никто из современников и потомков. Таков ген[иальный] Платон.

Это касается не только мелкого, но основных вопросов — напр[имер], пространства.

Будущее и власть в нем, по-видимому, будет принадлежать людям науки.

У нас меня угнетает бездарность новых официальных философских исканий при даровитости народа.

Пропущено в философских построениях его строение, его состояние — все учение о реальной симметрии мира.

Космогонические и научно-гипотетические построения науки, ход математич[еского] мышления — аналогичны.

Настоящее содержание науки — научное фактическое описание Картины природы. Только она достигает общеобязательности.

Сейчас вся страна приведена в движение. Совершается огромное дело. Но никто не может сказать, к чему приведет. Три корня: 1. Социалист[ическая] мысль в коммунист[ической] форме. 2. Диктатура организ[ованной] привилегированной касты, фактич[ески] наследственно передаваемой. 3. Старые навыки полицейского государства без всякого идеологич[еского] удержания.

Старый приказ Моск[овского] Госуд[арства] (дело Государево). Слово и дело. Никол[аевская] жандармерия. Провокац[ионные] инквиз[иторские] процессы.

Кто сильнее? И что выйдет из этого? Настоящий творец революции — стремление крестьян к земле и их ненависть к угнетению, вековые — изжиты, кажутся побежденными?

Но идет опыт интереснейший. Применение новейшей техники при несильном рабстве ее создателей, огромн[ая] воля действ[ия]. Сталин, м[ожет] б[ыть], крупнее Ленина¹ — во всяком случае, нашлись люди большие и крупные. Им ничего не мог противопоставить режим.

Максимум усилий — minimum результата. Но maximum очень велик. И результат может быть тоже большой — если только выдержит народ. Но народ всегда выдерживает больше, чем ожидает возможным ум. И не только русский народ выдерживает.

Помню разговор с Рязановым², когда я осматривал его институт в последнюю поездку мою в Москву, в хлопотах о моей заграничке³. Уходя, он мне говорил: «Даже если 2/3 [усилий] получат благопр[иятное] разрешение — выйдет огромное дело». Я ответил: «Я думаю, что даже если будет чет и нечет — 1/2 — и то будет

большое [дело], хотя страшной ценой. Но выдержит ли народ?». Он с уверенностью: «Выдержит, выдержит! Русский мужик выдержит!».

Поразит[ельно] отсутствие предвидения при «плановости». Для того, чтобы создать новое или таким кажущееся — разрушается существующее.

М[ожет] б[ыть], от этого в окружающей жизни не видно ни малейшей устойчивости и улучшения. Все на бивуаке.

Нельзя предвидеть? Задача поставлена непосильная, как думают некоторые?

¹ Оценка Вернадским Сталина эволюционировала. Особенно существенные изменения она претерпела в годы Большого террора и последующее время. См. напр.: Вернадский В. И. «Коренные изменения неизбежны...» (Из дневника 1941 года). // Лит. газ. 1988. 16 марта.

² Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович (1870—1938), деятель российского революционного движения, исследователь и издатель произведений Маркса и Энгельса, академик, в 1921—1931 гг. директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Жертва сталинского террора.

³ Институт К. Маркса и Ф. Энгельса Вернадский посетил в 1930 г. во время кратковременной поездки в Москву. В 40-е годы в своей «Хронологии» к этому эпизоду он возвращается дважды (Архив АН СССР. Ф. 518. Оп. 2. Д. 45. Л. 145; д. 47. Л. 93). «Этот осмотр,— писал он,— произвел на меня огромное впечатление. Поразительные по величине и значению архив и библиотека. Такого мощного исследовательского центра научной работы в области гуманитарных наук я не представлял себе возможным».

11 июня, утро

Пересматривая некоторые такие записи старых лет, которые я откладывал в папку последние два года, когда находил их среди ворохов бумаг — я вижу, что целый ряд мыслей, которые мне кажутся новыми, уже долгие годы мною охватывались.

Удивительно, как забывается, и, с другой стороны, «забывается» — есть процесс, не отвечающий реальному содержанию личности.

Но вдумываться в себя я не люблю. С молодости, когда я ясно понял, что в человеческой личности много есть научно не охватываемого и не охваченного — я пошел по другому пути, по [пути] углубления в природу, т[ак] к[ак] ясно сознавал, что по двум путям углубляться невозможно.

Мой лунатизм — наследственный, нервный страх временами, бывавшие при этом галлюцинации явно показали мне, что если не взять себя в руки, то можно уйти далеко, п[отому] что есть кругом и внутри нас такие способности личности, которые вводят

ее в область каких-то неизведанных и неизвестных в своей объективной основе переживаний. Я помню, что первое серьезное стремление остановить — из-за страха? — это своеобразное проявление моей личности было у меня мальчиком, после смерти Коли (1874)¹. Я старался забыть и забыл его образ. Постепенно образы близких исчезли из **моих снов**. Последние проявления галлюцинаций (и ощущений) исчезли или замерли, мне кажется, уже в 1870-х годах. Но я потерял некоторые способности: вызывать в образах лица близких, дорогих — ни во сне, ни наяву. Я что-то остановил в своей природе².

Иногда жалел, что погасил, а не развил эту способность. Реально несколько раз интересовался этими явлениями — но очень осторожно. В молодости — в последних классах гимназии, [в] первые годы Университета интересовался гипнотизмом и т. п., читал и думал. Второй раз в Париже под влиянием Гольштейна³ — интересовался Англ[ийским] психич[еским] общ[еством] (много прочел)⁴. (...)

И затем от времени до времени.

Твердо и ясно сознаю, что какая-то

сторона видения⁵ мною в моей личности установлена.

Ни в философии, ни в религии нет чувства (или идеи) бесконечного развития —

только в науке (мысли 31.VII.1904 — был где-то в Вернадовке или в Полтаве?).

Эта забытая мною правильная мысль для идеи прогресса.

¹ Вернадский Николай Иванович (1851—1874), сводный брат Вернадского, родившийся от первого брака его отца Ивана Васильевича Вернадского (1821—1884) с Марией Николаевной Шигаевой (1831—1860). Безвременная смерть старшего брата (в Харькове, где тогда проживали Вернадские), одаренного юноши, возбуждавшего в семье большие надежды, и общего любимца, потрясла 11-летнего Володю. Отголоски тех детских переживаний, о чем свидетельствуют прежде всего дневники, сопровождали Вернадского всю жизнь.

² В последние несколько лет жизни Вернадского галлюцинации, как и сновидения с участием близких ушедших из жизни людей, возобновились, причем, если судить по записям в «Дневнике», в яркой и сильной форме.

³ Имеется в виду проживавшая в Париже семья Александры Васильевны Гольштейн, с которой был близок М. А. Бакунин. Вернадский познакомился и подружился с А. В. Гольштейн во время своего пребывания во Франции в научной командировке в 1888—1890 гг.

⁴ Общество для изучения психических явлений основано в Лондоне в 1882 г. и существует поныне. В европейской культуре создание Общества положило начало парапсихологии как направлению систематических исследований и наблюдений. Общество издавало труды, с которыми знакомился Вернадский. Подробнее о его отношении к парапсихическим явлениям см.: Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 211—212.

⁵ Думается, что в контексте сказанного Вернадским ранее, слово «видение» заключает в себе емкое содержание и должно быть истолковано как «видение мира, человека и самого себя».

15 июня

Годы идут. Настала старость. Но, в общем, я ее не чувствую — в работе мысли. Физически, конечно.

Смерть никогда меня не страшила. Она не страшит и теперь.

Как всегда, меня удивляло чувство удовольствия работой («наслаждения») или жизнью, с которым я часто встречался и которое мне чуждо, — так же чуждо мне чувство смерти.

Я не испытываю наслаждений в научной работе. Даже научные достижения очень крупные, мне кажется, которые выпали мне на долю, не дают мне испытывать то, что испытывают, как мне кажется, другие. Мне хочется знать, но не радоваться или наслаждаться достижениями знания...

Со смертью реально я встретился 11-летним мальчиком, когда умер брат Коля. Мелкие подробности я помню до сих пор. Они запечатлелись как образы — напр[имер], возвращение с похорон в коляске на своих лошадях из кладбища и даже те пирожки, которые я тогда ел! Помню переселение отца во время болезни [Коли] ближе к комнате брата под антресолями или около лестницы. Помню друга брата, чиновника банка Петра Андр[еевича] Чугаева... И в то же

время я принял это все, как ... с одной стороны (м[ожет] б[ыть]), это мое объяснение теперь, но мне кажется, [что] бессознательно — но реально — я это чувствовал и тогда), неизбежное следствие из существования, с другой — не видел никакого диссонанса в уходе¹. Был страх близости с ушедшим, и я старался не видеть его во сне. Не задумывался над формой, в какой длится существование после смерти, но полное исчезновение мне тогда не представлялось следствием смерти.

В общем, это настроение осталось на всю жизнь.

И сейчас смерть не представляется мне сколько-нибудь страшной, и я не ищу ее разгадки. Все решения вопроса о ее сущности — религиозные или философские, признающие загробное существование или его отрицающие, — представляются мне детским лепетом, далеким бесконечно от реального.

Загадка мира — движения, организма, пространства, времени — сейчас так далека от понимания, что напрасным было бы к фантастическим построениям о смерти прибавлять новое — а их множество возможно. Метампсихоз — наиболее глубокая схема². Индийские представления наиболее мощны.

Но путь решения здесь не может привести к удовлетворению.

Научное решение—нет методов. Психичес[еские] и спиритич[еские] искания не могут отбрасываться, но я предпочитал и пред-

почитаю свою научную мысль направлять на другое.

¹ По прошествии более полувека после смерти брата Владимир Иванович свое тогдашнее отношение к этому печальному событию рисует как якобы несколько «отстраненное» и весьма рационалистичное, оговариваясь, правда, что, «может быть, это мое объяснение теперь». Это так и есть. Его детские и юношеские записи, значительно более приближенные к тому времени, рисуют совершенно иную картину глубоких личных переживаний.

² Метемпсихоз (метемпсихоза) — оживление, переодевание; один из поздних греческих терминов для обозначения переселения душ. Религиозно-философские учения о метемпсихозе наибольшее развитие получили в Индии (Сансара, Карма), а также в Древней Греции (орфизм, пифагореизм).

16 июня¹

Меня чрезвычайно занимают сейчас области холода в земной коре — в частности, существование подземных вод, более холодных, чем средняя температура воздуха данного места. Такие воды есть в Америке (Роджерс — Великие Озера)².

Сейчас [в этой области] не увязаны наши знания — в связи с новыми открытиями.

Область твердой фазы воды (криосфера Добровольского)³. Она отделена от космического пространства. Первый⁴ не учитывает новый факт: теплая оболочка 60°; стратосфера всецело в криосфере; тропосфера постоянно местами (полюсы — примерно до 60° с. и ю. ш.).

Ледниковые массы — вечная мерзлота: огромные пространства. Как глубоко идет: >100 м, а ниже холодные пластовые воды, характер CO₂ на глубинах, выше 100 м (давление 23—25 атм?)⁶.

Объяснение холодной воды Океана — правильно ли Цеппритцевское: холодные течения от приполярных областей идут вниз⁷.

Исконное? — Вечная мерзлота — климатически нормальное явление.

Есть ли холодные грунтовые и пластовые воды с температурой ниже 0° в местностях, где средняя температура воздуха выше 0°⁸?

¹ Запись нуждается в некотором пояснении.

На рубеже 20—30-х годов Вернадский вплотную приступает к реализации давно вынашиваемого замысла — разработке грандиозной, по самому большому счету, проблемы природных вод в их комплексном и всестороннем охвате — проблемы, фундаментальное естественнонаучное и мировоззренческое значение которой для него было очевидно. На эту тему он выступает с рядом лекций, докладов, статей (в том числе и в «Природе»). Итогом стало обширное исследование «История природных вод», составившее II том «Истории минералов земной коры», а также работа «Опыт гидрохимии вод Земли», впервые увидевшая свет только в 1960 г.

Однако какие бы глубины этой проблемы ни захватили ум Вернадского, перед ним, говоря его же словами, «вопросов и задач являлось все больше». Именно с этой точки зрения и следует рассматривать запись от 16 июня: это как бы некий моментальный снимок процесса научного поиска, а зафиксированные на нем «вопросы и задачи» поэтапно разрешаются Вернадским сначала в одном из выступлений в Академии наук в 1931 г., затем в докладе на заседании академической Комиссии по вечной мерзлоте в декабре 1932 г. и, наконец, в статье «Об областях охлаждения в земной коре», опубликованной в 1933 г. в «Записках Гидрологического института» (т. X. Л., 1933. С. 5—16), а также в «Истории природных вод», где этим вопросам посвящено множество страниц.

Действительно ли разрешаются поставленные Вернадским 16 июня «вопросы и задачи»? Судить об этом специалистам. Отмечу только основную тенденцию последующей эволюции размышлений Вернадского: его мысль развивается по линии все большего обобщения — проблема природных вод перерастает в еще более фундаментальную проблему Земли как планеты и ее взаимодействия с ближним и дальним космосом, а значит, первоначальная, «старая» проблема как бы «омолаживается», вновь осмысливается и переосмысливается, что и находит отражение, в частности (и в особенности), также и в итоговой «книге жизни» Вернадского «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения», опубликованной в 1965 г. и повторно изданной в 1988 г.

Впрочем, возможность, если не логическая принудительность отмеченного перерастания первоначальной проблемы в новую, предельно обобщенную, имплицитно уже содержится и в «Истории

природных вод», и в статье «Об областях охлаждения в земной коре». Вернадский существенно расширяет криосферу А. Б. Добровольского (см. комментарий 3): его область охлаждения Земли исключительно мощна, она охватывает почти всю толщу Мирового океана, стратосферы, тропосферы и подземной гидросферы, при этом постоянно взаимодействуя с космосом. Право же, дух захватывает, когда в «Истории природных вод» читаешь, например, §§ 30—37 («Вода в космосе») или §§ 58, 59 (о криосфере Земли).

² В статье «Об областях охлаждения в земной коре» Вернадский писал: «Должны встречаться при бурении воды, которые будут с больших глубин нести холодную воду, ниже средней температуры воздуха данной местности. Американский геолог Роджерс давно, в 60-х годах XIX в., описал такой район в области Великих озер, в области высшего оледенения Северной Америки; он указал на вхождение в геологические отложения в ближайших местах ископаемого льда и как его остатков — холодных вод» (Вернадский В. И. // Избр. соч. Т. IV. Кн. 2. М., 1960. С. 648).

³ Криосфера — оболочка Земли, характеризующаяся отрицательной или нулевой температурой, при которых вода может существовать в твердой фазе (лед, снег, иней и др.). Термин «криосфера» предложен польским ученым А. Б. Добровольским. В «Истории природных вод» Вернадский писал: «Прав А. Добровольский (1924), говоря о существовании на нашей планете криосферы — ледяной оболочки. Она сосредоточена в биосфере. Ее наиболее яркую форму дают подвижные снежные тучи и рассеянные на необозримых пространствах снежинки тропосферы и за областью собственно биосферы снежные массы стратосферы. (...) В работах А. Б. Добровольского впервые твердая фаза охвачена как закономерная часть строения земной коры, как криосфера» (Вернадский В. И. Там же. С. 41, 263).

⁴ Слово «первый», скорее всего, относится к А. Б. Добровольскому.

⁵ Вероятно, имеется в виду тепловой баланс системы Земля — атмосфера, устанавливающийся в 60-километровом слое над земной поверхностью (верхняя его граница примерно соответствует границе стратосферы). Вопрос этот специально рассматривается в § 7 статьи «Об областях охлаждения в земной коре» (см.: Вернадский В. И. Там же. С. 643—644).

⁶ См.: Вернадский В. И. Там же. С. 637, 646, 648—649.

⁷ Это обсуждение критически обсуждается в «Истории природных вод» (Вернадский В. И. Там же. С. 63, 220—221).

⁸ Вернадский склоняется к положительному ответу на этот вопрос (см.: Вернадский В. И. Там же. С. 42—43, 648).

20 июня

Огромное впечатление произвел на меня Пиккар и его полет в стратосферу¹. Еще недавно это понятие о стратосфере не употреблялось, и в Париже в 1923 году я еще минуту задумался, пока его ввел — со всеми последствиями — в мою «Геохимию»². А сейчас из такого строения выводы сделаны³. О Пиккаре узнал несколько дней тому назад из «Известий» и «Красной Газеты». Эти бездарные и во многом невежественные (в области естествознания и точного знания) «газеты» об этом напечатали. В «Nature» еще нет.

А между тем, отсюда ясен вывод: человек выйдет из своей планеты. То, что являлось в фантазиях XVIII века и у Жюль Верна или Лассвица⁴ — то сейчас для моих детей⁵, м[ожет] б[ыть], будет реальностью?

Это не случайность.— Следствие космичности жизни?

То, что творится сейчас, глубочайше интересно. Максимум работы — минимум результата. Но даже если 1/2 удастся (чет

и нечет) — то будет огромный результат. Но самое трудное впереди: мало построить — надо ввести в жизнь, т. е. ввести устойчиво — а пока этого совершенно нет. Бивуак в полном смысле слова. Для того, чтобы достигнуть сейчас выдвинутого, разрушается — без нужды — то, что установилось.

Но меня сейчас интересует не эта критика, а интересует проявление воли, которая показала, что могут получить реальность огромные задачи колоссального научного значения.

Впереди время науки — царство крупных диктаторов-ученых.

Сейчас попытка провести это при помощи ученых, поставленных почти в положение рабов (а иногда прямо в положение рабов) — но на этом прочного ничего не построили.

Верен идеал — царство науки. В разговорах с коммунистами многими я не скрываю своих мнений. Мне чужд капиталистический строй, но чужд и здешний. Царство моих идей впереди, и так же, как неожиданно для себя сейчас русские революционеры получили власть и благодаря крупным людям (Ленин и Сталин), прежде

всего [их] воле и желанию, пошли по новым путям — пойдут по ним те, которым ход собитий, глубже лежащий, чем человеческая

мысль и воля, — естественный, стихийный процесс — даст силу, власть и мощь.

Я, конечно, до этого не доживу.

¹ Первый в истории полет в стратосферу осуществлен О. Пиккардом и его ассистентом П. Кипфером 27 мая 1931 г. Стратонавты поднялись на высоту около 16 км.

² «Геохимия» Вернадского вышла в 1924 г. в Париже на французском языке.

³ Существование стратосферы было установлено в конце прошлого и начале нашего века французским метеорологом Л. Ф. Тейсферан де Бором (1855—1913) и немецким аэрологом Р. Асманом. Это открытие высоко оценивалось Вернадским. См.: Вернадский В. И. // Избр. соч. Т. IV. Кн. 2. С. 230, 643). Весной 1934 г. Вернадский принял участие во Всесоюзной конференции по изучению стратосферы, где выступил с программным докладом «Биосфера и стратосфера». В конференции участвовали также С. П. Королев, С. И. Вавилов, другие крупные отечественные ученые; по болезни не смог прибыть К. Э. Циолковский, но его доклад опубликован в итоговых «Трудах» конференции.

⁴ Скорее всего, имеется в виду немецкий философ и историк атомистики К. Лассвиц (1848—1910).

⁵ Дети Вернадского: Вернадский Георгий Владимирович (1887—1973), историк, профессор Йельского университета (Нью-Хейвен, США); Вернадская-Толь Нина Владимировна (1898—1987), врач-психиатр (Чехословакия; США).

12 октября [Ленинград]

Недавно были созваны представители лабораторий горн[ых] и геол[ого-] разв[едочных] учр[еждений]. Там был прислан представит[ель] Ком[мунистической] акад[емии] — какой-то «философ». Совещание было собрано в виду того, что в работе лабораторий мало проявляется диалект[ический] материализм. Обсуждался вопрос о классификации наук. Геохимия не была включена на «должное» место, по мнению какого-то из ее сторонников, сославшегося на мою книгу¹.

«Философ» вознегодовал, заявил, что доказано, что Вернадский — реакционер, что надо, наконец, с ним не считаться, что он завел науку в тупик и что явления равновесий, на которые он ссылается, не существуют.

Встретил отпор. Указали, что когда строилась классификация наук, то геохимия не существовала, что есть два рода равновесий, — статические, которые имеют значение в философии, но не имеют значения в науке, что отрицать динамические [равновесия] немислимо при соврем[енном] состоянии науки (Стáрик)², что «философ» путает и т. п.

В конце концов, назначено новое заседание, и он призовет большего специалиста.

Жебелёв рассказывал об ужасном состоянии Крашенинникова³, классика, старого профессора из Юрьева, под 70 лет. [Осуж-

ден] невинно по доносу. Сослан в Алма-Ату — по этапу [в] 15—18 дней. Больной. Ограбили в пути. Без средств. Голодает.

Г[орные] и геол[ого-]разв[едочные] учр[еждения] интригуют против Ферсмана⁴. Сохранилось прежнее печальное стремление Геол[огического] комитета⁵ захватить и монополизировать в своих руках всю работу, не сознавая и в прежнее время непосильность этого для него. А сейчас, когда 1/2 — если не больше — «геологов» невежественные неучи — это из трагикомического становится трагичным.

Интересный разговор с Д. С. Рождественским⁶. Считает, что в науке прошло время «гениев», что сейчас — как муравьи — организации тысяч химиков вполне заменяют крупнейших личностей. Что научное движение обезличивается. Все равно, погиб, напр[имер], Мозли⁷ — и все же то же самое будет достигнуто.

Эта вера сейчас распространена среди коммунистов и в значительной мере определяет их отношение к науке. Среди физиков — благодаря крупным успехам и подбору лиц — это распространено довольно сильно.

Но это — экстраполяция, основанная на упрощении. Забывается организатор.

В Киеве разгром. В академии еще сильнее. Много арестовано. Еще нет облегчения. Сидят, напр[имер], Воскресенский⁸, кто-то из физиков. Была травля Грушевского,

Воблого⁹. Борьба коммунистов-акад[емиков]: Шлихтер — Скрыпник¹⁰. В[облый] и Г[рушевский] защищали Скрыпника. Грушевский с семьей в Москве. Говорят, ему запрещен въезд в Украину. Хотели арестовать во время сессии: один из его помощников (из галич[ан]) арестован, и в связи с этим против Грушевского выдвинуто обвинение в сношениях с загр[аницей]. Его отстаивали Гринько¹¹ и Скрыпник. Вся его научная работа разрушена.

В Крыму полный разгром. Сейчас начинается облегчение. Научн[ая] раб[ота] парализована. Арест[ован] Спасокукоцкий, Двойченко выпущен. Жиров¹² (не знаю, что хитал — финан[с]ы?) умер в тюрьме — в холодн[ом] подв[але]; отказался признать себя вредителем. Бегут.

Чирвинский, Сушинский, Драверт сидят¹³. В Ташкенте — все ориенталисты арестованы.

¹ Имеется в виду книга В. И. Вернадского «Очерки геохимии», 1-е русское издание которой вышло в 1927 г.

² Стáрик Иосиф Евсеевич (1902—1964), радиохимик, чл.-корр. АН СССР, ученик В. И. Вернадского и В. Г. Хлопина.

³ Жебелёв Сергей Александрович (1867—1941), историк античности и археолог, академик. Крашенинников Михаил Никитич (даты жизни установить не удалось), историк Древнего Рима и Византии, приват-доцент и профессор Петербургского и Юрьевского университетов.

⁴ Ферсман Александр Евгеньевич (1883—1945), геолог, минералог и геохимик, академик, ученик Вернадского.

⁵ Геологический комитет — первое государственное геологическое учреждение России. Создан в 1882 г. в Петербурге.

⁶ Рождественский Дмитрий Сергеевич (1876—1940), физик, специалист в области оптики, академик.

⁷ Мозли Генри Гвин Джефрис (1887—1915), английский физик, специалист в области ядерной физики и спектроскопии, погиб во время первой мировой войны.

⁸ О ком идет речь, установить не удалось. К сожалению, изданные до сих пор в УССР справочники и обзоры развития науки на Украине в отношении персоналий крайне малоинформативны.

⁹ Грушевский Михаил Сергеевич (1866—1934), историк, политический деятель, академик АН УССР и АН СССР. С 1930 г. работал в Москве. Воблый Константин Григорьевич (1876—1947), экономист, статистик, экономгеограф, академик АН УССР.

¹⁰ Шлихтер Александр Григорьевич (1868—1940), государственный и партийный деятель, экономист, академик АН УССР и АН БССР, в 1931—1938 гг. вице-президент АН УССР. Скрыпник Николай Алексеевич (1872—1933), государственный и партийный деятель, академик АН УССР и АН БССР, в 1927—1933 гг. нарком просвещения УССР.

¹¹ Гринько Григорий Федорович (1890—1938), государственный и партийный деятель, с 1930 г. нарком финансов СССР.

¹² Спасокукоцкий — о ком идет речь, установить не удалось. Двойченко — скорее всего, Петр Абрамович Двойченко, специалист в области геологии и гидрогеологии Крыма. Жиров — возможно, В. Д. Жиров, крымский экономист.

¹³ Чирвинский — скорее всего, Петр Николаевич Чирвинский (1880—1955) или Владимир Николаевич Чирвинский (1883—1942), оба геологи, первый — ученик Вернадского; кто из них имеется в виду, установить не удалось. Сушинский — вероятно, Петр Петрович Сушинский (1875—?), геолог, ученик Вернадского. Драверт Петр Людвигович — минералог, специалист по метеоритам, поэт, ученик Вернадского.

21 октября

Рассматривая время отдельно от пространства, всегда философская мысль придет к выводам, не отвечающим научным данным, которые исходят из эмпирического обобщения, долго не высказанного: «Пространство — время». Время должно учитываться в «пространстве-времени».

Можно ли применять связанные с **временем** выводы теории вероятностей в

реальности, в научно построенном космосе?

Что такое **случай** в природе и можно ли охватывать его математическими законами, выведенными на основании **игры**, где явление обуславливается свободным движением человеческой личности.

Закон больших чисел есть только одна часть теории вероятностей, другой является вмешивающаяся в процесс, независимая от него **воля** человеческой личности (свободная воля).

Главным образом для меня неясно, можно ли применять эту схему в случаях

превращения необратимых процессов в обратимые. В наиболее эффектных проявлениях это выражается в сведениях природных процессов — в ходе времени — к абсурдным случаям, как к реально возможным. Принимая время безграничным и допуская, что случай является аналогичным тем правильностям, какие вносятся в распределение шаров, бросаемых свободной человеческой личностью, не допускающей на себя при этом никакого влияния, признают, что все возможные распределения повторятся при достаточной длительности опыта. Допускают, что чайник, наполненный водой, когда-нибудь при повторении опыта очень большое число раз, поставленный в условия кипячения, замерзнет — ибо молекулы воды будут принимать все возможные сочетания, в том числе [реализуется] и случай, соответствующий

замерзанию (Умов¹). С этим связывается даже теория, противостоящая концу мира путем эктропии².

В действительности это невозможно в реальном мире, ибо в нем не может быть независимого от окружающего явления и не может быть бесконечного и независимого от окружающего времени для какого-нибудь одиночного явления в пространстве-времени.

Другое: можно ли назвать случаем явление в данной научной среде³, абсолютно независимое от всего, в ней происходящего. Это тот пример, когда ход данного явления не только не может быть остановлен происходящим в его окружении — но сколько-нибудь усилен или ослаблен⁴. Это как будто процесс, вне среды идущий, и для нее в своем объяснении имеющий характер случайности.

¹ Умов Николай Алексеевич (1846—1915), физик, организатор и популяризатор науки, педагог. Вернадского и Умова связывали многолетние дружеские отношения. В академическом архиве Вернадского хранится ряд писем Умова к нему.

Описываемый Вернадским случай «замерзания» подогреваемого до кипения чайника, как и мысленные случаи, ему аналогичные, в научно-популярной и философской литературе иногда обобщаются понятием «термодинамического чуда».

² В работах конца 10-х — начала 20-х годов, посвященных живому веществу, Вернадский отмечал, что «явление эктропии, обусловленное жизнью», Ф. Ауэрбахом было противопоставлено энтропии, выражающей «сущность Вселенной» (Вернадский В. И. Живое вещество. М., 1978. С. 36). См. в этой связи: Ауэрбах Ф. Эктропизм, или Физическая теория жизни. СПб, 1911; Он же. Царица мира и ее тень: Энергия и энтропия. Пг, 1919. С. 52—58. Вполне вероятно, что в данном случае Вернадский имеет в виду также П. А. Флоренского, который обосновывал взгляд на космос как на арену борьбы двух начал — дезорганизирующего (энтропия, хаос) и организующего (эктропия, логос).

³ То есть в изучаемой наукой объективно существующей, реальной среде.

⁴ Вернадский здесь имеет в виду явления радиоактивного распада.

16 ноября

Поразительно невежественны и бездарны «философские» работы благонадежных «мыслителей».

Мне указали «Под знам[енем] марксизма», № 6, 1931, — нечего читать!

Статья И. Презента — проблема научных кадров: стр. 160—177 — против Филипченко¹.

Говорят, все «цитаты» из Филипченко переданы!²

Презент — молодой «ученый», кажется, неглупый, но малообразованный; начитанный. Он писал предисловие к «Экспе-

рим[ентальной] зоологии» — посмертн[ой] раб[оте] Филипченко. Так в его предисловии оказалась ересь! Он покался — но пишет сейчас кто-то другой. Книга из-за этого задержалась³.

Он ни к селу, ни к городу задел в статье меня — помянул статью мою 1915 г., о которой я совсем забыл⁴ — но год назад нашел у Марка⁵. Видел раз, носит мою [статью] на улице: вероятно, отсюда и Презент.

Я еще ее не перечел. Но для меня ясно, что мое приятие войны в 1914 было моральной ошибкой — мой грех⁶.

¹ Филипченко Юрий Александрович (1882—1930), биолог и генетик. С февраля 1921 г. возглавлял Бюро по евгенике, образованное по его инициативе в составе Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), председателем которой являлся Вернадский. В архиве

Вернадского хранятся копии его ответов на составленные Филипченко евгенические анкеты, письма Филипченко к нему и другие материалы.

Статья неизвестного И. И. Презента, вскоре ставшего ревностным идеологическим оружием Лысенко, была направлена в основном против общебиологических и евгенических воззрений Филипченко, но не только против них; в ней также «разбираются» Н. К. Кольцов и, главным образом, Вернадский (с него статья, собственно, и начинается).

² Я сверил приводимые Презентом цитаты из трудов Филипченко с первоисточниками, и вот что обнаружилось. Говорить о том, что Презент искажал все цитаты, конечно, не приходится — это было бы уж слишком... Однако в ряде случаев основания для подобных обвинений имеются. Например, «критиком» берется некий отрывок и цитируется, в общем, верно, но при этом в текст добавляется лишнее предложение, которого у Филипченко просто нет; или, напротив, из текста убираются какие-то негодные критике фразы, и текст начинает звучать так, как ему этого бы хотелось; снимаются авторские кавычки, придающие предложению определенный смысловой оттенок, и оно приобретает грубо-прямолинейный характер. Два случая стоит отметить особо.

Филипченко Ю. Эволюционная идея в биологии. М., 1926 (в 1977 г. книга вышла 3-м изданием):

«Отсутствие поддержки со стороны данных современной генетики в пользу эктогенеза косвенным, правда, образом говорит в пользу автогенеза — развития под влиянием каких-то внутренних сил, заложенных в самих организмах» (с. 202).

Презент И. Проблема научных кадров в освещении буржуазного биолога (К вопросу о партийности науки) // Под знаменем марксизма. 1931. № 6:

«По мнению Филипченко, **все говорит** «в пользу автогенеза — развития под влиянием каких-то внутренних сил, заложенных в самих организмах» (с. 162, выделено мною.— И. М.).

Филипченко Ю. Пути улучшения человеческого рода (Евгеника). Л., 1924:

«Великим злом является падение рождаемости, которое особенно сильно выражено в настоящее время среди тех групп населения, в которых можно предполагать наиболее желательное для общества скопление специальных наследственных задатков. Совершенно ясно, что если дело пойдет так и дальше, если будут наиболее слабо размножаться лучшие элементы и гораздо сильнее худшие, то это быстро приведет к понижению общего уровня данного народа» (с. 166—167).

Презент И. Там же:

«Рассадник талантов — интеллигенция — иссыкает, «худшие элементы» нации, **рабочие и крестьяне**, усиленно размножаются, грозят вытеснить ее «лучшие элементы», **надвигается «худшее из зол, могущих постигнуть нацию»**, нельзя сидеть спокойно, нужны срочные меры! — бросает в мировой эфир сигналы SOS проф. Филипченко» (с. 174, выделено мною.— И. М.). Замечу, что «худшее из зол...» взято Презентом из большой цитаты из К. Пирсона, приводимой Филипченко; в контексте всего предложения это звучит так: «Недостаток талантливых людей в момент кризиса есть худшее из зол, могущих постигнуть нацию» (Филипченко Ю. Указ. соч. С. 167).

³ Книга Ю. А. Филипченко «Экспериментальная зоология» вышла в Госмедиздате в 1932 г. под редакцией и с предисловием того же Презента (!). Предисловие (на 23 страницах), в сущности, продолжает разнос, начатый в журнале. Такой же характер имеют и примечания редактора. В предисловии возникает фигура Лысенко, которого «редактор» четко противопоставляет Филипченко. Так что если и была у Презента в первоначальном варианте предисловия некая ересь, о которой упоминает Вернадский, то, очевидно, критику он оперативно учел и от ереси избавился.

Обе статьи Презента против Филипченко, по существу, «реализуют» на практике несколько ранее провозглашенный в «Большевике» призыв «дать анализ конкретных проявлений теоретического вредительства в отдельных областях техники или естествознания». «Большевик», «Под знаменем марксизма», другие официальные и полуофициальные издания стоят, очевидно, у самых истоков разгрома отечественной генетики (да и не только генетики).

⁴ Речь идет о статье «Война и прогресс науки», опубликованной в сборнике «Чего ждет Россия от войны» (Пг, 1915. С. 67—70; переиздана в кн: Вернадский В. И. Очерки и речи. Вып. 1. Пг, 1922; недавно вышло 3-е издание; см.: Вернадский В. И. Начало и вечность жизни. М., 1989. Сер. «Публицистика классиков отечественной науки»). Вернадский совершенно прав, отмечая, что Презент притягивает эту статью в свой опус «ни к селу, ни к городу». Вероятно, на примере еще одного «буржуазного» ученого, отстаивающего тезис об интернациональном и внеклассовом характере науки, ему хотелось показать обратное, подчеркнув при этом, что со «старой» интеллигенцией вообще «коммунистической» каши не сварить и потому «свой пролетарский ученый должен стать массовым явлением» (Презент И. Указ. соч. С. 160).

⁵ Любошинский Марк Маркович, родственник Вернадского по линии жены.

⁶ Отдавая должное самокритичности Владимира Ивановича, следует все же отметить, что его отношение к первой мировой войне (общая оценка ее характера, позиций борющихся сторон, исхода и влияния на будущее и т. п.) было достаточно сложно и неоднозначно и, как об этом свидетельствуют материалы его архива, эволюционировало и отнюдь не укладывалось в простую формулу «прития» (или «непрития»).